

О греческой антологии

В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи
Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак
Л., "Наука", 1979
Серия "Литературные памятники"
[OCR Бычков М.Н.](#)

Одно из самых приятных, из самых важных явлений *текущей* Российской словесности есть небольшая книжка "О греческой антологии". Сие короткое рассуждение о духе и красотах греческих эпиграмматиков познакомило лучшую часть нашей публики с понятиями, гражданскою жизнью, чувствами и образом мыслей древних жителей Эллады, а присоединенные превосходные переводы некоторых эпиграмм должны были перелить что-то греческое, что-то классическое в душу всякого, способного к тому.

Оставляя дальнейшее изложение свойств мелких греческих стихотворений, о которых в немногих словах сказано много в разбираемой нами книжке, обратим особенное внимание на русские переводы оных. Мы искренне признаемся, что сначала мы, как слишком, может быть, пристрастные любители всего древнего, несколько сожалели, что в переводах не сохранены размеры подлинника; но вскоре прелестные, исполненные гармонии ямбы заставили нас совершенно забыть о сем недостатке. Не знаем, кто из наших поэтов скрыл свое имя в сих переводах под скромным названием беспечного провинциала: но, судя по наслаждению, которое чувствуешь, читая его стихи, по сладостной мелодии каждого из них, особенно по удивительному искусству в образовании и сохранении пиитического периода, высочайшего совершенства в просодии - совершенства, тайны для некоторых лучших поэтов, вполне постигнутого только двумя из них: Батюшковым и молодым певцом Руслана, мы колеблемся, кого из обоих благодарить за подарок, сделанный русской словесности пересадкою сих душистых, прекрасных греческих цветов в русскую землю; признаемся, однако же, что с нашей стороны, по некоторым приметам, в коих не можем отдать отчета, мы склонны приписать сии переводы Батюшкову, - многие стихи живо напоминают его образ выражаться (за *maniere*). Кто, например, в следующем стихотворении не узнает творца "Моих Пенатов":

В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры;
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки, вчера, одушевленный страстью.
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцелуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал...
Я таял, и Лаиса млела...
Но вдруг уныла, побледнела,
И слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей.
"Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?"
- Спокойся, ничего, бессмертными клянусь,
Я мыслию была встревожена одною:
Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь.

"В этой эпиграмме, - говорит Издатель, - узнаем мы нравы народа, привыкшего возвышать цену наслаждений искусным смешением впечатлений противоположных. Греки давали иногда наслаждению томный вид меланхолии; статую смерти они нередко ставили посреди пиршеств и чаш веселия".

Мы остановимся на некоторых стихах перевода:

Я таял, и Лаиса млела -